

А. Н. Сметанников

Опыт

морально-психологические,
философические, etc.

PATIENTIA ·

А. Н. Сметанников

**Опыты морально-
психологические,
философические, etc.**

«Издательские решения»

Сметанников А. Н.

Опыты морально-психологические, философические, etc. /
А. Н. Сметанников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834361-2

Основанные на личном опыте и общей гуманитарной эрудиции размышления
о добре и зле, власти и мировоззрениях, истории и современности и о других
глобальных координатах человеческих отношений.

ISBN 978-5-44-834361-2

© Сметанников А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Очертания	8
Душа и характер	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Опыты морально-психологические, философические, etc.

А. Н. Сметанников

Мотив самоутверждения – действительное основание абстрактного мышления. Посреди непостоянства ищется истина, подлинное основание, достоинство собственной экзистенциальности, ищется твердое, независимое, самодостаточное основание. Мышление отвергает изменчивое, брэнное, многообразное, зависимое. Тот, кто мыслит, выражает мысль, которая вместе с ощущением отрицает и временность и из смены явлений производит нечто fixum.

(Гр. П. Йорк фон Вартенбург, в изложении Ф. Г. Юнгера)

Разум, как бы скептически и саркастически ни взирал он на человеческую действительность эмпирическую, в конечном счете все же порождает мощный и светлый энтузиазм, не имеющий ничего общего с прекраснотушнем, питающимся иллюзиями. В самом себе находит он глубину и осознает переживания пребывания в ней как причастность некоей беспредельной Глубине, скрытой за мерзостью и скукой «мира сего».

© А. Н. Сметанников, 2016

ISBN 978-5-4483-4361-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всякий текст говорит сам за себя, являет свое качество непосредственно – тем более опытному, искушенному читателю, по двум-трем строкам иногда способному решить, почувствовать, стоит ли ему тратить внимание, время, или деньги именно на данный конкретный духовный продукт, тем более в ситуации инфо-интерпретационного бума и перепроизводства. Предисловие – часть упаковки товара, как и название, оглавление, аннотация, это еще один шанс преподнести, подать его в возможно более выгодном свете, попытаться задать регистр восприятия, угол зрения, и т. д.

Это особенно полезно, с точки зрения автора, применительно к предлагаемому здесь букету текстов, который вполне может показаться на первый взгляд скорее охапкой «непричесанных мыслей». Почти все это публиковалось прежде в Живом Журнале, и хотя перекомпоновано и отчасти тут доработано, в целом сохраняет характер достаточно ЖЖурналистский. Многое сказано наспех, скороговоркой, намеком, и почти все – без ссылок на специальные исследования или классические труды. Аллюзии и скрытые цитаты не оговорены в примечаниях; многие утверждения выглядят неоправданно дерзкими, или слишком общими, или нелепо претенциозными – в минуты сомнений также и в моих глазах, признаться...

В этих вполне очевидных недостатках мы, впрочем, склонны видеть прежде всего провокативный момент, подвигающий самого читателя на интеллектуальную активность; текст, стало быть, тем самым становится где-то даже интерактивным (не побоимся этого слова :-). Идейное содержание не разработано систематически, а дано как набор живых интуиций, как тематизация и проблематизация вещей важнейших, но потаенных в рутине повседневности и «научной» гуманитаристики, как опыт постановки умозрения, как поиск новой духовной оптики.

Отметим главную тему, в рамках которой – несколько даже тавтологически – развиваются нижеследующие размышления и рассуждения, ставятся проблемы среды и посредственности, восстания души против социальной материи (из которой она произошла), жизни и мысли, варварства и цивилизации, тактики и стратегии поведения (постановки себя) среди других, рабства и свободы, Востока и Запада, и проч.

Люди – социальные животные. Выжить и победить в социальном мире, в среде отношений – вот жизненная задача социального животного. Борьба за самооценку и подтверждение ее в глазах других, за самоутверждение и место в иерархии, и т. д. – вот соревнование социальное универсально и человеческое *par excellence*. Это – мир людей, здесь наше добро и зло. Кто жил и мыслил, без подсказки Сартра знает, что коллектив, ощущаемый и превозносимый испокон веку как материнское лоно (матрица?), оборачивается нередко адом и концлагерем для некоторых своих членов.

Этот фундаментальный пласт реальности, эту поистине метафизическую ее основу следует понять и прояснить вопреки всем (*quasi*) религиозным телеологическим мировоззрениям, все еще довлеющим Современности. Макьявелли, Леопарди, и Ницше знали об этом куда больше, чем Гегель и Маркс; Джон Адамс разбирался в этом лучше, чем Том Пейн; «правые» видят это отчетливее «левых». «Начало зла – в душе каждого», начало «эксплуатации человека человеком» – в каждой ячейке среды общения, в любой группе, как естественной кровно-родственной, так и «искусственной», по месту жизнедеятельности (род – племя, семья – родня, деревня, двор – улица, уч. класс – школа, армейское подразделение, ВУЗ, участок – цех, и т. п.). И эта эксплуатация обходится – в России-то уж завсегда! – без механизма «прибавочной стоимости».

Возможно, я преувеличиваю значение этого фактора элементарной социальной динамики, поскольку он прошелся катком по моей собственной судьбе. Все мы – в той или иной мере подопытные в великой лаборатории жизни, но в нашей власти попробовать превратиться из объекта опыта в его субъект, перековать боль и отчаяние на ясное, окрыляющее знание и оружие для борьбы. Именно с данным аспектом нашего многогранного, прекрасного, и безумного мира связан преимущественно мой личный опыт, и его я пытаюсь осознать и выразить, сравнить и связать со всяким прочим человеческим опытом, доступным моему восприятию. И это кажется мне более перспективным занятием в контексте становящейся глобальной русферы, нежели, например, логическая разработка немецкого идеализма (секуляризованного протестантизма), классического или поставленного на уши.

Надеюсь, книга найдет своих читателей (возможно, немногих – но тех, что дороже многих) и вызовет определенный отрезвляющий и вдохновляющий эффект на родственные мне души. Был бы этому очень рад. Со мной можно связаться в ФБ, ВК, или ЖЖ, меня легко найти в Сети – пишите, если пожелаете.

А. С.

Очертания (1987—91)

1. Когда на воде волны вздымаются ветром, они не позволяют взору проникнуть в глубину ее, – и так же волнения обыденности смущают спокойствие и прозрачность поверхности нашего бытия и не дают нам узреть его содержание.

2. В душе должен быть камертон для определения чистоты или фальши доходящих до нее звуков, – нравственное чувство, здравый смысл, вкус, – и только в собственной душе должно искать ответы на вопросы человеческой жизни, злободневные и злобовечные.

3. Надо уметь различать уровни сознания и не искать в случайных словах глупца сокровенного смысла, не смотреть на пошлого циника как на пророка, возвещающего мудрость природы. В природе нет мудрости и смысла, это категории человеческие, сверхъестественные.

4. Несовершенство других уязвляет нас тем более, что мы сами находимся во власти пороков и заблуждений, и мы способны оценить в другом лишь те достоинства ума и души, которые и нам не чужды в какой-то степени.

5. В той мере, в которой другие люди властны надо мной, принуждают меня ориентироваться на чуждые мне цели, принципы, ценности, взгляды, и вкусы, помещают меня в системы рациональности, иррациональные по отношению к моему собственному бытию, объясняют меня, отводят мне место в этом мире, – в той мере я неволен, оказываясь объектом, существом страдательным, «претерпевающим». Свобода же в том, чтобы душа сама была «адекватной» причиной своих состояний и своей активности. Собственно, активность и предполагает внутреннюю причину, нелепо ведь говорить об активности неодушевленного предмета или бесхарактерного человека – тождественных друг другу, по мнению Шамфора, с которым можно согласиться, поскольку бесхарактерный человек в мире нравственном, как и неорганическое тело в мире физическом, приводится в движение игрою внешних обстоятельств, сам же по себе неподвижен, ибо не наделен сущностным значением.

Я оказываюсь субъектом, когда сам определяю свое место в мире, сознаю и контролирую каузальность своей жизни. Постигая и учитывая власть не зависящих от моей воли обстоятельств, исследуя ее механизм, я умаляю ее роль: она становится для меня понятнее, перестает быть таинственной, роковой, и зловещей, я вижу ее природу и границы, и, таким образом, моя зависимость от данных обстоятельств, бывшая прежде безусловной и неопределенной для моего сознания властью над состояниями моей души, делается двусторонней; я уже не игрушка их, но, ухватившись за незримые нити, через которые они действуют на мое положение, получаю возможность противодействия. Так рабство сменяется свободой, так мысль раскрепощает душу.

6. С увеличением сложности внутренних и внешних отношений естественно растет и их интенсивность, качество бытия:

...чем природа совершенней в сущем, Тем слаще нег в нем и боль
больней.¹

---

¹ Данте, *Божественная комедия*.

7. Разум, как бы скептически и саркастически ни взирал он на человеческую действительность эмпирическую, в конечном счете все же порождает мощный и светлый энтузиазм, не имеющий ничего общего с прекраснодушием, питающимся иллюзиями. В самом себе находит он глубину и осознает переживания пребывания в ней как залог существования некоей беспредельной Глубины, скрытой за мерзостью и скукой плоской обыденности, «мира сего», как причастность Ей.

8. Счастье – интенсивность бытия. Если обстоятельства способствуют тому, чтобы индивид существовал в качестве себя, раскрывая собственные потенции и осваивая все более широкие области жизни, если они так сбалансированы, чтобы стимулировать естественную активность, т. е. не настолько комфортны, чтобы снять вовсе необходимость активности (Одиссей в плену у Калипсо) и не настолько враждебны, чтобы сделать ее абсурдной (Сизиф), то можно говорить о счастье в общепринятом смысле.

9. Счастье – реализация возможности быть в качестве себя. Быть собой – значит и в реальности отношений с другими иметь то же значение, которое я нахожу в себе в самые интимные, безмятежные моменты своей жизни, то значение, которое скрыто глубоко внутри. Самый процесс духовной жизни состоит в постоянном сообщении внутреннего мира с внешним, с другими мирами. Внутренние движения, порожденные внешними, должны быть продолжены за гранью уникальности, обособленности, должны соединиться с объективной действительностью, в этом смысл нравственной активности, потребности самовыражения. Чем более непосредственно, спонтанно осуществляется этот непрерывно повторяющийся акт аккумуляции впечатлений и последующего излияния в мир продуктов духовной деятельности, тем полнее и глубже ощущение бытия. При этом происходит расширение диапазона чувствования и мышления.

10. Дух есть, собственно, динамические системы связей между вещами, структура каузальности движения. Если так понимать дух, а не ограничивать его феноменом сознания, которое лишь апофеоз его развития, то, может быть, основной вопрос философии покажется таким же наивным, как вопрос о приоритете происхождения общества или индивида. Это вопрос по сути своей идеалистический и он сталкивает в идеализм, даже если отвечать на него так, как это делают материалисты. Вопрос о первичности духа или материи подразумевает раздельное существование косной материи и некоей внешней силы, приводящей ее в движение.

11. Возможность, необходимость осуществлять, одействовывать (по выражению Герцена) собственную уникальность, продолжать внутренние движения вовне, умалять возрастающее различие между субъектным и объективным. В процессе эволюции, всякого развития субъектность, особенность, значимость единичного увеличивается. На лестнице биологической эволюции в современных, сравнительно недавно сформировавшихся видах настолько же яснее выражен сам принцип феномена жизни, насколько эти виды своеобразны, выделены из целого. То же – в нравственной эволюции человечества, живущего в огромном диапазоне сложности духовной жизни.

Воссоединение происходит на все более высоких уровнях и жизнь движется противоречием, создающим устойчивое неравновесие, между равно естественными векторами разделения и единения. Вместе с усложнением и ростом гармонии увеличивается и пространство возможного, ведь чем больше взаимодействующих факторов, тем сложнее исчислить результат взаимодействия, тем больше может быть вариантов – увеличиваются, следовательно, неопределенность, вероятностность, и соответственно уменьшаются предзаданность, жесткость и неизбежность, увеличивается степень свободы, области выбора.

12. В человеческом бытии уникальность, особенность единичного, внутреннего достигает наибольшего развития, принимает принципиально иные, бесконечно более сложные формы сравнительно с предшествующими стадиями эволюции, – и вместе с тем, – на первый взгляд, парадоксальным образом, – в той же мере возрастает возможность единения, отождествления, общения. Собственно, это две стороны одного процесса.

13.

Нельзя доказать строго ни бессмертие души, ни ее невещественность, но можно доказать жизнь души после той минуты, которую мы называем смертью: для нравственности этого довольно.

П. Я. Чаадаев

Для нравственности не имеет никакого значения, продолжает ли жить душа после смерти организма, сколь долго и каким образом: вселяется ли она в другой организм или обходится без всякого воплощения, – для признания и объяснения существования объективных моральных законов все это решительно безразлично. Так же, как юридические нормы, требования моральные люди стремятся подкрепить угрозой внешнего возмездия, поскольку нравственный долг рассматривается как долг перед чем-то внешним, – будь то божество, общество, или другой человек, – чуждым сущностных интересов субъекта морального решения. Его интересы полагаются при этом узко эгоистическими – отсюда неизбежное будто бы противоречие и противостояние между личностью и обществом, между личностями. Действительно, это противоречие изначально, однако оно претерпевает в истории изменение, и отнюдь не за счет унификации отдельных личностей, подавления в каждой из них самобытности и своеобразия, – что всегда происходило и все еще имеет место в невообразимых масштабах, – а, напротив, именно вследствие развития индивидуальной сложности, и связанных с ним процессов усложнения, расширения, и качественной интенсификации человеческих отношений. Поэтому моральные законы есть законы более полной и совершенной жизни. По мере духовного развития человек переносит смысл своей жизни, ее внутреннюю, интимно переживаемую суть, во все более высокие сферы Духа и Любви, во все более светлые и благоустроенные пространства, все дальше от существования в качестве биологической единицы (особи). В процессе этого восхождения жизнь его становится все более нравственной и прекрасной. И только здесь этические нормы приобретают действительную силу, из свода внешних правил и предписаний превращаясь во внутреннее нравственное чувство, и становясь подлинными законами бытия, преступив которые, нельзя не разрушиться. Преступление против другого есть преступление против тех отношений, которые я имею к другому, которые составляют центр и смысл моего бытия, – и, тем самым, против себя самого.

Однако для того, кто не достиг ступени Духа, этические нормы остаются внешним и тягостным игом, абсурдными для особи и ненавистными ей границами неистовства ее желаний, которые она преступает при всякой возможности.

14. Пока духовная и интеллектуальная жизнь не развита, над человеком господствует биология и судьба его безусловно определена особенностями генотипа, социальных обстоятельств, и стихийного формирования характера. Разрушить эту предопределенность можно лишь с помощью сознания, изоцря и совершенствуя его, и переходя тем самым к более сложным и качественно насыщенным формам бытия.

15. По мере духовного развития человек переносит смысл своей жизни, ее внутреннюю, интимно переживаемую суть, во все более высокие сферы, во все более светлые и благоустроенные пространства, все дальше от существования в качестве биологической единицы.

16. Неужели поиски справедливости бессмысленны и счастье в каждом конкретном случае с самого начала либо есть, либо отсутствует, неужели в мире всегда будут сильные и слабые, счастливые и отверженные, и мораль лишь номинально и внешним образом ограничивает естественное превосходство первых над последними?

17. Мысль не есть нечто эфемерное и хрупкое, рассыпающееся при соприкосновении с реальностью. Мысль – наиболее реальная реальность, наиболее сложная и, следовательно, наиболее интенсивная форма бытия.

18. Анимизм, спиритуализм, идеализм трудно отделить от сознания, ибо они присущи ему изначально. Это предчувствие и набрасывание смысловой – т. е. относительно взыскующей смысла души – структуры реальности, всегда опережающее и превышающее возможности позитивного описания реальности. Миф – символ неких неявных, но действительных отношений. Как же еще мог первобытный человек реализовать свое «стремление к истине»? Или у него не было этого стремления? Это ведь не праздное любопытство, которое можно отложить вплоть до удовлетворения более насущных потребностей. Всякое явление, встречающееся в области моего опыта, должно иметь смысл, т. е. объяснение в связи с моей жизнью. Тайлор прав, анимизм – действительно «дикарская философия», иной быть не могло и не могло никакой не быть.

19. Факты, явления, события – лишь видимая часть структуры единого бытия. Эволюция сознания, как и бытия – от хаоса к гармонии. Поэтому первые понятия так грубы; можно сказать, что сознание «естественное», неразвитое – догматическое. В сознании никогда не может отразиться бытие мира во всей его бесконечности.

20. Факт сам по себе бессмыслен. Он всегда стоит в ряду других фактов, растворен среди них. Имеет значение совокупность фактов. Истины фактов не существует. Есть одна бесконечная, как мироздание, истина – модель этого мироздания во всей его целостности. Эта модель, как и все абсолютное, существовать не может. Люди приближаются к ней, но никогда не достигают ее.

21. Искать сознательно и серьезно истину, не считая себя заведомо ниже тех, кто искал раньше, и не оглушаясь их именами и словами. Отчего бы мне заранее, до всякого опыта, признавать себя менее значительным, нежели даже и самые высокие умы? Значение увеличивается и никто не может сказать ни о себе, ни о другом, что вот-де отмерен такой-то предел и выше головы не прыгнешь.

22. Общество не может быть больным. Никакое общество никогда и не было «здоровым» в том смысле, который подразумевается теми, кто говорит о здоровье или болезнях общества. Из такого вульгарного представления о социальных проблемах прямо следуют популистские решения их хирургическим путем, т. е. отсечением «больной» части. Однако преступность, наркомания, и всяческие извращения начинаются в самой обыденной, благополучной, что ни на есть «здоровой» действительности. Нужно исследовать психологию и, шире, нравственную жизнь среднего, «простого» человека, обывателя, народную жизнь, потому что зло, ставшее явным во всяческих аномалиях, коренится в мелочи заурядного, житейского.

23. Пока есть точка зрения официальная, которая доказывается доводами иного рода, нежели рассуждение, – то как бы хороша она ни была, поиски истины под сенью этой господствующей теории очень скоро становятся начетничеством. Ни одна система знаний не может быть окончательной, между тем усилия людей ограниченных сосредоточены на том, чтобы наконец-то водрузить на пути познания нечто единственно верное, какого-нибудь идола, и сказать: «Дальше идти некуда и незачем. Можно еще отделать какие-нибудь детали, подновить, покрасить, но о том, чтобы еще чего-то искать, и думать нечего». И будьте любезны разрабатывать и обосновывать то, что укажут эти хранители истины, берегущие ее от всякого соприкосновения с действительностью. Творите и дерзайте вот в этом русле, отвечайте на такие-то вопросы. И прочь сомнения и колебания, кто не с нами, тот против нас, даешь стопроцентный охват населения правильным мировоззрением!

24. Всякому маленькому человеку необходимо постоянно чувствовать над собой отеческую руку какой-либо крайней инстанции, без которой он осиротеет перед лицом Космоса; он не хочет нести бремя ответственности за свою жизнь и жизнь человечества, ограничивая сферу своей компетентности кругом житейских забот.

25. Не нужно бояться погрешить против низменной и плоской логики наличного, не нужно бояться быть непонятым т.н. простыми людьми, т.е. тем немслящим большинством, которое задает тон. Банальнейший страх оказаться непринятым, непризнанным, отверженным. Во всякое время есть границы для мысли и их надо преодолевать, в этом и состоит мужество мышления. Надежда на счастье человечества может основываться только на вере в его дальнейшую эволюцию. В расширении области бытия только можно найти решение тех проблем, которые порождены самим качеством наличного существования и неотъемлемы от него.

Англия и Америка предъявляют нелепое требование: говорить так, чтобы они тебя понимали. При этом условии не растет ни человек, ни поганый гриб.²

26. Подняться над грубо чувственным и мелким миром эмпирических людей с их импульсивным, почти инстинктивным поведением, с их преклонением перед случаем, перед силой и перед их жалкими кумирами.

27. Во главе современности, т. е. политической деятельности, в основном стоят люди энергичные, но достаточно заурядные. Они выражают уровень эпохи, именно их дюжинность – условие их энергии, способности действовать. Они опираются на авторитет прошлого. Рутинная обыденности не терпит ничего выдающегося. Кто хочет действовать, должен сообразоваться с понятиями большинства.

28. Давление догматического официального мировоззрения. Суррогат литературы и культуры, самодовольная посредственность, увенчанная лаврами пророков и вооруженная царским скипетром, вещающая формулы «объективной истины» и карающая тех, кто не внемлет трепетно, не благоговеет, кто смеет не подчиниться этой пузатой мелочи, облеченной олимпийской властью. Миллионы человеческих жертвоприношений на алтарь сакральных иллюзий, диктат разнузданных холопов, ожесточенно вытаптывающих все чистое и светлое, триумф кровавых мракобесов. Кухарки и сантехники, уверенно управляющие государством и искусством, блюдущие верность раз навсегда данной непреложности, социальные заказчики и под-

---

² Торо, *Уолден, или Жизнь в лесу*.

рядчики, ревнители железобетонного идеала. Непрístupная цитадель из профанированных идей, философия лубка, лозунга, учебного пособия.

29. Скептицизм: невозможность постижения обособленных сущностей вещей, т. е. познания вещей «самих по себе», «для себя», и т. п. Однако ведь ничто в мире и не существует само по себе и только для себя.

Всякое мнение как истинно, так и ложно, поскольку не заключает в себе истины во всей ее полноте. Всякая модель каких-либо связей ограничена, схематична, не исчерпывает их реальности. Поэтому можно говорить лишь о преимущественности истины или лжи, ведь и бред безумца есть искаженное отражение чего-то существующего.

30. Об этом говорят наперебой все, преподающие правила счастливой жизни: избавиться от эгоизма, жить для других, не предпочитать себя другому, и проч. Отчасти это пожелание справедливо, но требует, конечно, уточнения и прояснения.

С одной стороны, множество великих, прославленных, и просто известных людей, от Цезаря и Наполеона до Брежнева и Аллы Пугачевой, являют собою апофеоз торжествующего эгоизма, словно бы подчинившего себе судьбу и самоудовлетворенного. Их успехи и достижения очевидно основаны на способности ставить себя на первый план, добиваясь от других внимания, поддержки, и содействия. С другой стороны, люди, подобные Соне из романа *Война и мир*, устраивающие дела своих ближних, готовые к услугам, предупредительные, стремящиеся все понять – и, на одном дыхании, простить, – жертвующие собственными интересами, умаляющие, устраняющие, уничтожающие свое лицо и значение, – никто их не любит и не ценит их преданности, и сами они, в результате постоянного пренебрежения собственными желаниями, чувствами, и мыслями оказываются неспособны любить и уже непоправимо несчастны, превращаясь чуть ли не в предметы обихода.

Значит, эгоизм необходим, и не в том состоит счастье, чтобы разрушить «Я», уникальность и значительность личности, – иначе было бы предпочтительнее быть наперсником, чем любовником, и т. п. Нельзя не дорожить своими привязанностями и влечениями, нельзя подчинять их страстям другого, нельзя становиться ниже другого – это вульгарная и пошлая форма самопожертвования, точнее это и есть самопожертвование, самоотрицание в полном смысле, но отнюдь не альтруизм.

Альтруизм – это развившийся эгоизм, это любовь уже не замкнутая на себе, на нескольких людях, а расширившаяся и возросшая до любви к человечеству, к идее человека, это «Я», находящее себя во всём, для которого нет чуждого и враждебного. В альтруизме снимается противоположность интересов, необходимость подчинить своему эгоизму как можно больше пространства, появляется взаимопроникновение, и борьба за существование, неизбежная при резко раздельных структурах, не нужна. Альтруизм – новое качество эгоизма, он относится к последнему как всякая высшая форма бытия к предшествующей, как биотическое к химическому, и т. д.

Нельзя любить других, не любя самое себя; любовь к себе – основание всякой иной любви и всякого чувства; чем больше любит себя человек, тем полнее его бытие и ближе к счастью. Однако эгоизм ограничивает чувства, жестко очерчивая радиус их развития; слишком сильная привязанность к конкретному, к случайным формам, к привычным и обычным способам актуализации «Я», принимаемым за самое «Я», не позволяет переступить ту грань, за которой формы становятся безразличны. В альтруизме любовь к себе освобождается от этой мелочной привязанности к материальному, к фактам, производному, внешнему, к признакам, и обращается к духовному, к подлинному вещей, к самой структуре и сути их связей, нематериальной и определяющей смысл всего материального. Это любовь к целому, а не к части, к причине, а не к следствию, и, разумеется, она и больше, и сильнее, нежели любовь только к себе.

31. Огромное число людей не мыслит, замкнуто в границах своей повседневности, и для них правда – все, что обеспечивает житейское благополучие. Многие говорят: «При Сталине был порядок, цены были ниже», и т. п. Это, как известно, иллюзия, но даже если допустить, что так и было, – неужели эти люди готовы в своем личном или групповом эгоизме купить сытую жизнь за ту цену, которую назначил Сталин? Достоевский мучительно взвешивал, стоит ли благоденствие всего человечества слезинки одного ребенка, а его нынешние соотечественники, из которых многие клянутся и божатся его именем, нисколько не смущаются миллионами жертв ради скудного достатка и порядка почти кладбищенского. Это возможно и неизбежно, когда основная масса населения стоит так низко в нравственном, а значит, и в интеллектуальном развитии, как стоим теперь мы. Законами не отгородиться от зла, которое свойственно такому уровню существования. Только поднявшись выше, можно надеяться на избавление от него.

32. Бессознательно относиться к событиям человеческих отношений и судеб – это и есть безнравственность. Многие ведь так и живут всю жизнь в Эдеме блаженного неведения, не вкусив никогда от плода познания добра и зла.

33. Обыденность принадлежит людям дюжинным, с «коротеньким, нерушимым мировоззрением», с сугубо и грубо утилитарным мышлением, руководствующимся самым плоским здравым смыслом.

34. Всякий человек, пытающийся что-то сделать помимо официальных инстанций, монополизировавших право на деятельность, считается любителем и прожектером. Между тем на самом деле все эти министерства, ведомства, и союзы давным-давно стали форпостами серости и бездарности, профессионально искусной лишь в аппаратных играх.

35. Чему может научить преподаватель философии? В лучшем случае – преподавать философию. Поэтому в нашей стране несметное множество агитаторов и пропагандистов, но почти нет оригинально мыслящих людей.

36. Уважение к себе у одних основано на таких свойствах, которые другие в себе презирают. Недостатки, которые я вижу в себе, я замечаю и во многих других, и даже в значительно большей степени, но эти другие в себе их не видят и не испытывают поэтому никаких терзаний, между тем как для меня они существенны и влияют на мою самооценку. Ограниченность выгодна: не будучи в состоянии вообразить себе идеал, который представляется мне, они в общем более позитивно судят себя и относятся к себе. Чем больше способностей ума и души дано человеку, тем труднее ему обрести внутреннее равновесие и довольство собой, тем большими усилиями они даются ему.

37. (К теории самоорганизации.) В хаосе все движения случайны, они не складываются в цепь взаимодействий, не создают в целом никакого направления. Однако по мере того, как из стихии все более и более выделяются элементы гармонии, материя постепенно перестает быть ничем и возможным всем, но слагается в устойчивые формы, системы. Отчего это происходит, отчего в материи постоянно возрастает уровень организации, отчего она не остается везде и всегда в первобытном хаотическом состоянии?

Движение конденсируется и появляются как бы сгустки его, состоящие из элементарных движений, недавно еще автономных движений элементарных частиц. Сгустки движения случайны и нестабильны, постоянно образуются и распадаются, но качественное отличие их

от бессвязных отдельных, автономных движений в том, что здесь именно возникает взаимодействие между частицами, соединяющее их в некий обособленный, выделенный из ничтожества дурной бесконечности мир со своей собственной, внутренней динамикой. Каждая из вовлеченных в него элементарных частиц существует уже не только в беспредельной безвременности, но и в этом особом локальном микромире, как бы ни был он эфемерен, в оазисе качественности среди «безвидной и безобразной бездны»; взаимодействие и создает качество – и самое время?

Душа и характер (1993—97)

Перед всяким человеком стоит, прежде всех прочих, задача ориентации в особом пространстве *общения*, в космосе (или хаосе) человеческих отношений.

Внутреннее содержание и его выражение.

Непреложной данностью для каждого является его самоощущение. Ощущение собственного существования есть средоточие реальности, поскольку наименее сомнительно. В мире нет ничего достоверного, однако одни вещи более вероятны, более реальны, нежели другие, – в зависимости от близости к Я; мир происходит из Я, произрастает из единственного основного факта реальности Я, как из семени.

Длящаяся тотальность Я далеко отстоит от всего прочего, что подлежит восприятию. Мир разделен, таким образом, на внутреннее и внешнее; внутреннее составляет основу и сущность мира. Следует подчеркнуть, что под Я мы понимаем некое пред-ощущение индивидом собственного существования, отнюдь не «самосознание», как в рационалистически ориентированных системах философии (*cogito, ergo sum*). Сознание (ум, интеллект, рассудок) есть лишь одна из духовных способностей, которой отнюдь не исчерпываются, как известно, содержание и достоинство души, средоточия Я.

Самооценка относится преимущественно к актуальной способности иерархического соревнования.

Человеку предстоит ужас бессмысленного, того, что не относится к его Я, в чем он не отражается, как если бы его не было.

Смысл жизни состоит в осуществлении уникальности.

Обыденность не знает добра и зла, все кошки в ней серы, как в темной комнате. Обыденность донравственна, полна чудовищ и кошмаров; Босх реалистически изобразил торжество ее. Обыденность – это металлический блеск Ничто.

Действительное субъект-субъектное отношение есть лишь отношение между двумя, в котором иерархическое начало может быть преодолено с такой полнотой, которая недостижима там, где в отношениях принимают участие трое или более человек.

Отношения между двумя могут стать общением в полном смысле слова, наиболее близким к идеальному, когда общей становится целостность внутреннего содержания каждого без стеснения ее, когда возникает совместное нравственное пространство, в котором личные нравственные ареалы совпадают преобладающим образом.

Драматургия обыденности. Общение в группе – главным образом ролевое; здесь арена функциональности, всего родового, рядового и среднего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.